

Парадокс — память (наряду со спортом высоких достижений) положена ключевым элементом формирования национально-патриотического самосознания в нашей стране. Стране, где история — лишь инструмент в руках той или иной власти. Где вот уже столетие прервана семейно-родовая память, дающая человеку понимание своего места и предназначения. Где каждый сам по себе без роду, без племени. . .

Юлия Неруш,
главный редактор
журнала «60 параллель»,
Сургут,
www.journal.60parallel.org
njb@admsurgut.ru

«В состоянии почти вселенского потопа...»

Из редакционной переписки.

Февраль 2010.

Сургут (Россия) — хутор Папардес, Курземе, Латвия

Беспамятство — вот одна из характерных черт современника, одна из примет времени вообще. Зачем помнить, когда можно справиться в Сети и блеснуть эрудицией?

Обдумывая тему нынешнего номера, я обратилась за помощью к человеку, перу которого принадлежит глубокое и честное эссе «Город забвения и памяти», многожды перепечатанное в Интернете — Александру Раппапорту.

Дорогой Александр Гербертович,

Вы уже вернулись из Москвы в свои лесные владения? Как поживаете?.. Помимо объявленной темы «Бесполоя современная культура» мы работаем для мартовского номера ещё над одной...

Похоже, что места памяти остаются таковыми не сами по себе, а лишь когда человек совершает некие ритуалы памятования? А какие есть ритуалы в нашей культуре, если это не воинские или церковные ритуалы воздания чести или оплакивания?

...А как быть с памятниками архитектуры или мемориальными усадьбами? Если по отношению к старинному особняку не производится никаких ритуалов памяти, он перестаёт для людей быть таким местом памяти? И не потому ли неминуемо рано или поздно разрушается от старости или подпадает под снос в связи с коммерческим строительством? Какой опыт есть у человечества в этом смысле?

<...>

Ещё хочется прояснить для себя вопросы семантики скульптурных памятников. Только ли в советской эстетике заимствованы из древнеегипетской храмовой культуры представления о масштабах?..

Тема номера

Александр Раппапорт,

архитектор, теоретик
искусства, критик,
авторский блог:
raparades.blogspot.com
Санкт-Петербург

Дорогая Юлия!

В Москве я сделал доклад на тему «Архитектура и общество. Трёхэтажная парадигма», да ещё выступил по радио — в течение часа беседовал с Димой Быковым на радио СИТИ FM, 23 января с 21 до 22 часов в программе Сити-шоу Дм. Быкова — посмотрите, если будет время и охота. Там мы обсуждали, в частности, чувствуем ли мы, что живём в третьем тысячелетии, и долго ли нам ещё жить на этой славной планете.

Вопрос о памяти, таким образом, имеет два направления. Одна память об истории и людях, другая — та, что римляне называли «мементо мори» (не забудь умереть). Согласитесь, что обе памяти связаны. Допустим, нам осталось жить на земле 500 лет. Что делать с памятью?

Быков полагает, что человечество не умрёт никогда, хотя большой уверенности в этом нет ни у кого. Человечество обречено в силу космических ли причин или по соображениям внутренней разрушительности наших характеров. Мы просто

не знаем, когда это случится. Эта мысль совершенно не радует. Но зато она заставляет одуматься и успокоить свои взвинченные сиюминутными проблемами нервы.

Насколько я понимаю, в истории или генеалогии памятников и архитектуры в итоге лежала не почитительная поза к усопшим, а страх перед мертвецами. Чтобы они не вышли обратно, их придавливали чем-нибудь тяжёлым (курганом, плитой и пр.). Позднее им стали поклоняться как небожителям, то есть их переместили на верхний этаж, и памятники изменили свой функциональный смысл.

Но более существенно то, что вообще в разных культурах выступает как символическое воплощение памяти.

«В состоянии почти вселенского потопа...»

Из редакционной переписки.

Февраль 2010.

Сургут (Россия) — хутор Папардес, Курземе, Латвия

Письмена, материальные остатки или скульптурные изображения, язык и его топонимика, ландшафт и его сакрализация или что-то иное.

В настоящее время наряду с материальными памятниками мы живо реагируем на их языковую интерпретацию, и без неё, то есть без предания сами памятники перестают восприниматься. Мы находимся в состоянии почти вселенского потопа памяти — забывается вся история народа и страны, и я полагаю, что это тотальное забвение есть грозный признак грядущего исчезновения России задолго до того, как исчезнет человечество. Вместо памяти об истории у нас культивируется память о победах. Но память о победах парадоксальна — она

воскрешает не столько тех, кто победил, сколько того, кого победили.

Мы всегда побеждаем врага и потому для нас как для победителей — страны победителей — враг — просто главное условие нашей жизни и выживания. Исчезнет враг, некого будет побеждать — начнём исчезать. Но ещё парадоксальнее, что само слово враг, происходящее, кажется, от этнонима «варяг», обозначает скорее того, кто нас победил и что сохранила наша память как приглашение на правление. Мы как бы пригласили к себе варягов на власть. Вот Наполеона не пригласили (хотя дворянская интеллигенция отчасти была бы не против — он всё-таки обещал уничтожить рабство), уж тем более не пригласили Гитлера (хотя Сталин ему отчасти симпатизировал).

Другой вопрос — память о местах жизни наших предков. И в этом отношении у нас просто катастрофа. Наш ландшафт — выжужженная память прошлых поколений. Никто и сам толком не знает, кто его прапрадед (то есть 100 лет тому), и вообще мы ходим по земле и поещаем музеи, как если бы они были об инопланетянах. Памяти преемственной у нас почти нет.

Наконец нет у нас и памяти о победах над самими собой — это ещё недавно были классовые войны, которые перестройка перепачкала и сравняла. А религиозная память, например, память преодоления язычества при принятии христианства вообще исчезла аки обрыз. Где же противники христианства? Их не было и нет.

...Проезжая по Енисею, в Игарке выкопал я из земли железный костыль из железной дороги Салехард-Игарка, по которой прошёл всего один поезд и на строительстве которой полегло 100 000 человек. И храню его как некий талисман. Я бы сделал стометровый памятник этому кривому костылю, чтобы стоял он как антипод-небоскреб вроде Охта-центра и хранил в себе память этих ста тысяч душ. В России история — падчерица, сирота, бомж. И музеи пока не помощники. Сама музеефикация по проклятой логике рефлексии убивает живую память и меняет её на мёртвую и чужую память историков и идеологов. А как живёт

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ?

Блок заметил: «...Мы не помним сегодня, как жили вчера, по утрам забываем свои вечера...» Мы родом из будущего, нас манит к себе завтрашний день, которого приход, быть может, будет означать только конец вообще всякой памяти как таковой и то время, когда некому будет гадать по звёздам о судьбах — уже не рождённых людей. Мы люди утопий, а в утопиях как раз будущего-то и нет.

Простите, но с годами мой оптимизм остывает. И я становлюсь фаталистом. А какие монументы может ставить фаталист?

...В Питере посмотрел в одном театре драму Софокла «Царь Эдип» и плакал. Неодолимый рок не покинул эту зем-

лю, и дети продолжают убивать своих отцов и спать со своими матерями, вопреки грозным предсказаниям. Иокасту вытошнило, и это можно понять. Есть вещи, на которые организм отвечает рвотой. Такова и издёвка истории, которая водит людей кругами и возвращает на то же самое место. Это очень хорошо чувствовал Гоголь. Памятник ему в Москве носит чудовищную надпись: «Н.В. Гоголю от Советского правительства». Сам Гоголь такого бы не придумал.

Не знаяйтесь и простите мне все эти фантазмагории. А журнал про память будет интересным.

... А как быть с памятниками архитектуры или мемориальными усадьбами?

Если по отношению к старинному особняку не производится никаких ритуалов памяти, он перестаёт для людей быть таким местом памяти?

И не потому ли неминуемо рано или поздно разрушается от старости или подпадает под снос в связи с коммерческим строительством?

Какой опыт есть у человечества в этом смысле?

Пока готовился этот номер, 7 марта 2010 в Москве было уничтожена Дача Муромцева (ул. 5-я Радиальная, дом 3). С этим местом памяти связаны имена писателей Ивана Бунина и Венедикта Ерофеева, художников Константина Васильева, Вячеслава Клыкова и других. Здесь проходили литературные Ерофеевские вечера и концерты.

По решению администрации музея-заповедника "Царицыно" на этом месте будет стоянка снегоуборочной техники.

«В состоянии почти вселенского потопа...»

Из редакционной переписки.
Февраль 2010.

Сургут (Россия) — хутор Папардес, Курземе, Латвия

Дорогой Александр Гербертович, спасибо за Ваши размышления, они мне помогают. Как живёт живая память? В каких действиях души? Я предполагаю, что в актах принятия и уважения — почитания, которые могут быть окрашены эмоционально скорбью: оплакиванием или переживанием чувства прекрасного или чувства счастья, или чувства стыда.

А чувство ненависти, быть может, напротив, замораживает память, вытесняет её из сознания? И, наверное, ритуалы, о которых я спрашивала — по сути, проекция внутреннего действия.

Не имея уже сто лет опыта и передачи опыта принятия и уважения, в прерванной традиции преемственности родовой памяти, мы только и делаем, что вытесняем, предаёмся забвению. Потому что или больно, или стыдно, или просто не умеем уважать то, что было до нас. Прежде всего в своей семье, в родовой перспективе. Отсюда уже и пренебрежение к истории страны.

<...>

Крайне интересно Ваше замечание о том, что в нашей стране культивируется лишь память о победах и что за этим всем стоит. Я прежде не обращала внимания на это. Хранить память о победах, о доблестях и скрывать поражения, пренебрегать памятью о простой жизни, не связанной со славой — наша национальная особенность? Или это характерно для тоталитарного режима, империи? Для любой власти в целях укрепления своих позиций и манипулирования общественным сознанием? Ведь как говорят, уже монахов-летописцев заставляли о чём-то умалчивать, а что-то искажать во имя славы князя? Или это вообще характерно для любой цивилизованной культуры, где есть мораль?

Ваша история про железнодорожный костыль и идею такого памятника стоит отдельной статьи, это очевидно. Как, впрочем, и мысли про то, как мы убиваем живую память, музеефицируя её.

Дорогая Юлия!

Что касается памяти, истории и музеев. Мы всё время замазываем суть дела, и потому не трогаемся с места. Тут опасно поддаваться на советско-салонный стиль. Дескать, вот какие мы культурные — всё знаем, всё храним, ничего не отдадим, и вообще нет никого лучше нас. Всё это вариации на тему потёмкинских деревень. Они ласкают слух властей, но не помогают нам в трудном деле жизни.

Кто спорит — музей лучше концлагеря. Но между ними связь двух ипостасей смерти. Ненависть к жизни. Людей гнобили за то, что они были ЖИВЫМИ, а в музеях памятники любят за то, что они уже МЁРТВЫЕ.

Пушкин говорил о черни, что живая власть для неё ненавистна. Она любит умереть только мёртвых. Теперь власть сама — чернь, и ей ненавистно вообще всё живое. Так как оно пока живо, может что-нибудь выкинуть. Лагеря давали материал для кладбищ, а музеи — уже кладбища. И музейные работники — служители мёртвых. По сути дела, египетские жрецы — жрецы цивилизации, которая считала, что настоящая жизнь начинается только ПОСЛЕ смерти. Один знакомый галерист так говорил художникам, пытавшимся продать ему картины: «Вот умрёте — тогда приходите».

Не смешно.

Почему в России празднуют победы? Салтыков-Щедрин уже об этом сказал, как город Глухов переименовали в НЕПРЕКЛОНСК. Путин многому научился у С-Щ. Но не только он. В большинстве учебников истории всех стран войны кончаются победой. Кажется, Германия 1945 года — первый исторический пример нации, признавшей поражение. В Латвии, где я живу, другая крайность. Построили «Музей оккупации» (германской и советской). Я им твержу: «Не бывает музеев оккупации, бывают только музеи БОРЬБЫ с оккупацией». Но у них ведь борьбы-то почти и не было.

Вот у нас враг-варяг — синоним не победы, а триумфальной сдачи на милость.

Россия живёт двумя иллюзиями — Великой Победы и Великой угрозы. Как будто все вокруг нас хотят поработить — американцы, немцы, но ещё Шпенглер заметил, что наше пространство (и зимы) непобедимы. Потребность во врагах и победах — симптомы одной национальной болезни — неспособности к самообладанию. Мы не верим в то, что мы — хозяева своей земли. И мы не являемся таковыми. Нами всё время манипулируют сомнительные люди. Эта несамостоятельность и рождает две иллюзии.

Причина глубже геополитики, на которую ссылаются разные политики. На мой взгляд, она мифологической природы.

Мы находимся в постоянном оцепенении перед фатальностью судьбы, и мы в России чувствуем, что живём не своей судьбой. У нас как бы даже судьба не своя. И в этом мы видим суть нашей ментальности как какой-то личности.

Эта странная форма судьбы заставляет нас постоянно бежать куда-то: за границу или в будущее, строить что-то радикально НОВОЕ, считать всякое прошлое — ПРОКЛЯТЫМ.

Как будто нас кто-то всемогущий на самом деле когда-то проклял.

Поэтому мы своих гениев гнобим, а всё импортируем — от идей до носков и морковки. Мы обеспечим теплом ненавистную Европу, но не своих сирот и стариков.

Мы ставим памятники даже не своим победам. Мы ставим памятники САМИМ СЕБЕ, потому что не считаем себя живыми. Вот мифологический ужас этой великой страны.

Простите, это грустно, и я хотел бы Вас не огорчать, а радовать.

На этот раз не получилось.